

СЛЕД СТРЕЛЫ

Это потом преподавал он в первом университете страны и его лекции стали знамениты на всю Москву, собирая студентов даже с факультетов, ничего общего с журналистикой и филологией не имеющих.

Он был звездой, любимцем, хотя, насколько я знаю, ни громких открытий, ни высоких званий и степеней не имел. Он имел другое: талант истинного учителя, притягивающего людские сердца каким-то особым магнетизмом, который не только и не столько в словах, сколько в глазах, жестах, даже в тембре голоса...

Впрочем, если бы Эдуард Бабаев посвятил себя литературе, то, безусловно, стал бы незаурядным писателем, чему свидетельством — книги его стихов и прозы, сразу нашедшие своего читателя.

Но все это было потом. А вначале существовал одноэтажный беленный известью дом в самом центре Ташкента, дворик, спрятавшийся за глинобитным дувалом, где в узком арыке, не умолкая, журчала чистая и холодная вода. В жару мы зачерпывали ее горстями и пили взахлеб, утоляя жажду. А он, черноглазый, невысокого роста, с большим смуглым лбом — ходил по чахлой травке, сожженной яростным азиатским солнцем, и говорил, говорил негромким своим голосом, называя не значившиеся в университетских программках и неведомые нам имена, декламируя строки, от которых захватывало дух, словно стоял ты на заоблачной вершине, разглядывая открывшийся тебе огромный мир...

Меня привел в этот дом мой самый близкий друг и однокашник по университету ташкентский старожил Слава Благоев. Однажды после лекции он сказал: — Сегодня пойдем к Эдику. Гениальный чувак, сам увидишь.

«Чувак», «чувиха», «лабух»... Тогда мы, ходившие в стилягах, так говорили, и этот жаргон и любовь к джазу, заклеяменному у нас как «музыка духовной нищеты», объединяли, делали жизнь праздничнее и острее, чем была она на самом деле, ибо послевоенный разор еще не стал историей.

На дворе стоял 1955 год. Нам, студентам Среднеазиатского государственного университета, было по двадцать. Ему, уже получившему диплом САГУ и побродившему по пескам Каракумов и Кызылкумов с геологическими партиями и археологическими экспедициями, — чуть больше. Но он казался мне старше на целую жизнь, так много знал этот человек, так много умел, такая убежденность была в его словах.

Тихий дворик на задах ташкентского главпочтамта на несколько лет стал нашей самой главной, самой любимой аудиторией, а Эдуард Григорьевич Бабаев — главным наставником и воспитателем. Хотя он ничему нас не учил, не наставлял и ни о чем не спрашивал. Просто каждый день приносил какую-нибудь новую книгу из своей библиотеки и читал. Чаще всего это были стихи. Здесь звучали строки Ахматовой и Гумилева, Волошина и Ивнева, Заболоцкого и Мариенгофа, Каменского и Хармса... Из уст Бабаева узнавали мы и такие литературные ругательства той, ждановской, поры, как акмеизм и имажинизм, серапионы и обэриуты...

Сегодня это привычно и буднично, как бутылка «Пепси» в киоске у метро. Тогда это было, как путешествие на Марс.

Не без влияния Эдуарда Григорьевича я выбрал темой своего диплома журнал «Юность», только что появившийся на свет. Словно предчувствовал, что некая мистическая спираль ровно через двадцать лет приведет меня в эту редакцию и снова сведет с моим ташкентским учителем.

Декан нашего факультета, человек добрый и к моим делам небезучастный, позвал к себе в кабинет и сказал огорченно:

— И что это вы надумали? Ну почему «Юность»? Ей ведь еще без году неделя, так что и писать-то вам не о чем. Да и репутация у нее не очень. Если уж решили писать о журнале, то возьмите нашу «Звезду Востока» или «Молодую Гвардию». Впрочем, как знаете, вы уже человек взрослый.

Больше он меня не агитировал. Диплом я написал в неделю и защитил на «пятерку». На выпускном вечере, когда впервые за пять лет мы чокались бокалами со своими профессорами, декан сказал мне:

— Ну и правильно сделали, что не послушали меня тогда. Но предупредить вас я был обязан.

Такое было время.

Потом я уехал из Ташкента и на целых двадцать лет потерял Эдуарда Бабаева. А оказавшись сотрудником «Юности», услышал однажды это имя из уст выпускниц журфака МГУ, которые сперва проходили практику в редакции и так прижились, так прижились ко двору, что вскоре оказались в штате. В их сорочьей трескотне частенько слышалось это имя, произносимое с уважением, да что там — с восторгом! Уже по одному этому я понял: их пленил тот самый Бабаев, который когда-то приложил руку и к моей судьбе. Я отыскал его телефон и через несколько дней сидел в уютной квартире на Арбате, пил старое доброе узбекское вино и говорил с Эдуардом Григорьевичем, который за эти годы совсем не изменился. Разве что больше стали залысины да печальнее глаза за толстыми стеклами очков.

Прощаясь, он подарил мне книжку своих стихов и сказал:

— Вы не согласились бы, Алексей Степанович, посмотреть несколько моих рассказов? Почти все они о нашей с вами любимой Средней Азии. Может быть, что-то подойдет для журнала. Но это — не главное. Мне интересно ваше мнение.

Я сказал, что с радостью возьму рукопись, и подумал: как причудлива жизнь, какими удивительными узами связывает она людей! Когда-то меня знобило в ожидании приговора этого человека моим юношеским стихотворным опытам. Теперь вот он отдает свои рукописи на мой суд и не скрывает, что волнуется: понравятся ли?

Я не только прочитал рассказы Эдуарда Григорьевича, но и написал о них в одну весьма авторитетную газету. И вскоре получил от него письмо. Это единственное послание Бабаева ко мне за все годы нашей дружбы, и я бережно хранил его. «Дорогой Алексей Степанович! — писал он. — Благодарю Вас за добрый отзыв о моих рассказах. Журнал «Юность» когда-то напечатал — впервые — мои стихи. И я до сих пор с благодарностью вспоминаю Валентина Петровича Катаева и Мэри Лазаревну Озерову. Сейчас я приготовил к печати книгу прозы. И мне очень хотелось бы первую публикацию из этой книги увидеть в «Юности». Поэтому я с такой надеждой гляжу на ваш журнал. Посылаю Вам мою новую книжку стихов. Может быть, она напомнит Вам о Средней Азии и нашем университете. Буду очень, очень рад, если Вы пришлете мне Вашу книгу о Пушкине.

С уважением, Э. Бабаев».

Сборник повестей и рассказов Эдуарда Бабаева «След стрелы» вышел в издательстве «Советский писатель» в 1980 году. Он подарил мне эту дорогую для него книгу с трогательной надписью и сказал: «Теперь очередь за Вами». Но я, увы, не оправдал в этом смысле его ожиданий и ничего не написал в прозе о городе моей студенческой юности, о прекрасной земле, которая на семь лет приютила меня, была добра и щедра ко мне. И только теперь представился случай сделать это, и я говорю, даже зная, что могу быть неслышанным: спасибо тебе, славный город Ташкент! Спасибо тебе, добрый солнечный Узбекистан! Спасибо, что помог ты мне

выучиться на медные копейки. Спасибо за Эдуарда Бабаева, за Славу Благова, за Володю Рецептера, за старого солдата Юру Кукаркина — единственного фронтовика в нашей студенческой группе! То, что связано с тобой, осталось на всю жизнь...

Потом были новые книги и новые встречи — в редакции, дома у Эдуарда Григорьевича. Но на его лекции в МГУ я не пришел ни разу: боялся задеть то плохо поддающееся определению чувство, которое родилось на зеленой лужайке ташкентского двора. Он знал это и не обижался на меня. А потом его не стало. Я часто перечитываю книжки Бабаева. Для одной из них он выбрал удивительно емкое название «След стрелы». Именно такой след оставили его деяния: «незримый прочный след в чужой душе на много лет». Это написал Леонид Мартынов, часто задумывавшийся над тем, что же остается в этом мире после человека, прожившего жизнь достойно.

Когда-то давно Эдуард Григорьевич прочитал мне стихотворение, поразившее меня своей пронзительной афористичностью. Я записал его по памяти, часто вспоминал, приводил как образец сверхплотной материи стиха. И вот теперь, желая процитировать в этих заметках, решил сверить по книжке. И не нашел. А посему пишу так, как запомнил, ибо лучшей точки для моей истории не придумать.

Рассуждая о сокровенной сущности творчества, он сказал:

И дел всего-то — написать две строчки.

Присел к столу, глядишь — и жизнь прошла.

Да, это так. Но и двух настоящих строчек вполне достаточно для того, чтобы прожитая жизнь была ненапрасной.